

Екатерина Дубровина

До Луны
и обратно

«Земные радости» ~ книга первая

Земные радости

Екатерина Дубровина

До Луны и обратно

«Автор»

2019

Дубровина Е.

До Луны и обратно / Е. Дубровина — «Автор», 2019 — (Земные радости)

ISBN 978-5-532-04624-5

Молодожены Джеймс и Мэри отправляются в свадебное путешествие. Они молоды, красивы, ничем не ограничены, и никому ничего не должны. Для своего путешествия они выбирают горы Шотландии и целую неделю наслаждаются прекрасными видами, чистым воздухом и друг другом, даже не подозревая, что ждет их за поворотом. Но несчастный случай все решает за них. Найдет ли Джеймс то, чего ищет, или искренне любят лишь раз? «До Луны и обратно» — первая книга в цикле «Земные радости».

ISBN 978-5-532-04624-5

© Дубровина Е., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1. «Снежные объятия»	8
Глава 2. Прогулка	16
Глава 3. Единение	19
Глава 4. Спасение	22
Глава 5. Принятие	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Екатерина Дубровина

До Луны и обратно

Эта книга посвящается моей маме, которую я до Луны и обратно

Пролог

15 августа 2017

Открытые жалюзи позволяли солнцу заливать кабинет утренним золотистым светом. Дней, подобных этому, в году было не так много, и обычно в такие моменты в кабинете стояла полутьма. Но сегодня жалюзи так и остались по одну сторону окна.

Оно казалось бесконечным, занимая всю стену от пола до потолка, поэтому лучи, проникающие сквозь него, словно предостерегали каждого, кто бы посмел сесть за рабочий стол, находившийся как раз напротив. Конечно, хозяин кабинета спокойно мог переставить стол к другой стене, и тогда свет больше бы не причинял неудобств. Но когда туман, опускаясь достаточно низко, застилал все здание, этот кабинет, расположенный на четырнадцатом этаже, оказывался в самом эпицентре. В это время мужчина ощущал себя настоящим пиратом, бороздящим морские просторы в поисках горизонта. И ни за что бы не отказался от этого чувства.

Справа от рабочего стола на стене висели трое круглых часов, показывающих время Манчестера, города в котором находился этот офис, Вашингтона и Шанхая – городов основных партнеров банка. Сами же стены были выкрашены в один тон – серый. Видимо, дизайнер был уверен, что этот цвет помогает концентрации. Он ошибался. При естественном освещении комната действительно казалась светлее, но вечерами создавалось полное ощущение вакуума, поглощавшего все вокруг. Тревожило ли это владельца кабинета? Временами, но чаще ему было все равно.

Справа и слева от окна стояли шкафы со стеклянными дверцами, доверху заставленные папками. Они были отсортированы по алфавиту, датам, а кое-где просто по цвету. Строгая иерархия почти никогда не нарушалась, ведь за любым желанием организовать свой порядок следовало наказание. И далеко не просто выговор.

На рабочем столе все отражало общую картину. Было так же чопорно и аккуратно. Бумаги тщательно сложены по принципу срочности в специальном лотке, в стакане – наточенные карандаши, что своей остротой могли резать бумагу, в левом углу стола – степлер, ножницы, точилка, в правом – фото девушки. У каждой вещи было свое строго определенное место, вымеренное до миллиметра.

Ни на полу, ни на столе, ни в шкафах – нигде невозможно было узреть ни пылинки. А сам кабинет, как отражение души, говорил о мужчине, покидающем офис только для сна, больше, чем он сам.

Кабинет принадлежал Джеймсу Логану – руководителю отдела по привлечению крупных инвестиций «Смайл Банка». Именно он сейчас сидел за рабочим столом, закрыв глаза и усиленно сдавливая виски. Зачесанные назад темные волосы, еще не тронутые сединой, синий костюм, галстук, подобранный под цвет, начищенные до блеска ботинки... Все в его образе говорило о статусе и занимаемой должности. А большие синяки под глазами и опущенные уголки губ – о бесконечной усталости. Он физически ощущал писк монитора, свист кондиционера, шум системного блока и даже мерцание лампы. А еще слепящий солнечный свет... У него перехватило дыхание, и, поморщившись, он ослабил галстук... «Только бы пережить этот день...» – постоянно мелькало у него в голове.

На экране монитора надоедливо мигало красное окошко, уведомляя пользователя о повышении процентной ставки по кредитам. Но сейчас это не имело никакого значения. Выключив монитор, мужчина поднялся, нервно прошелся по комнате и остановился у окна. Взглянув на золотой диск в небе, от рези в глазах он зажмурился. Но даже с закрытыми глазами видел шар едкого оранжевого цвета. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, Джеймс невольно оставил на нем отпечаток, а заметив это, дыхнул на него и протер рукавом, и все же потянулся к шнуру, чтобы закрыть жалюзи. Обернулся, взглянул на часы, на мгновение заду-

мался, а потом резко бросился к двери, закрываясь на ключ ото всех в надежде, что никому не будет до него дела в обеденный перерыв.

На нижней полке в столе он держал небольшую початую бутылку рома, к которой прикладывался крайне редко. Скорее, она служила напоминанием того, кем он так боялся стать. Но не сегодня. Открутив крышку, мужчина наполнил бронзовой жидкостью кружку. И не спеша, смакуя каждый глоток, осушил.

Хотел налить еще, но его остановил стук в дверь.

– Я занят, – не хватало еще, чтобы его заметили пьющим на работе.

Так. Стоп. Хватит. Поставив бутылку обратно, он вернулся в кресло. Включил монитор. Закрыв это надоедливое мигающее окошко. Выдохнул. Вновь выключил. Перевел взгляд на стол и непроизвольно наткнулся на улыбку, что затмевала солнце, пробивающееся сквозь жалюзи; на теплоту искрящихся глаз; на легкий румянец, покрывавший щеки той, кого он так любил вгонять в краску; и на светлые мягкие волосы, струящиеся обычно меж его пальцев шелком. Он взял рамку в руки и провел пальцем по образу, наполняя грудь воздухом до отказа, пытался вспомнить, каково это – везде чувствовать ее запах, постоянное присутствие и таять в ее голосе.

– Прости меня.

Поставив фото обратно, он покрутил кольцо на безымянном пальце, а затем уронил голову на стол, не заботясь о шуме. Голова, казалось, оценила этот жест и от удара чуть не раскололась надвое.

В дверь настойчиво постучали. Снова. Нет, видимо, просто так они не уйдут. Поднявшись с кресла, он неожиданно для себя качнулся и почти упал, если бы не схватился за край стола. Пару секунд он переводил дух, пытаясь совладать со своим телом, и наконец почувствовав уверенность в ногах, расправил плечи и затянул галстук. Выдохнул перед тем, как открыть дверь, а, открыв, даже не удивился, увидев свою ассистентку Эмили Аддерли, невысокую полную девушку в мешковатой одежде (хотя дресс-код никто не отменял) с вечно собранным огненно-рыжим кулечком на затылке, неброским макияжем, но добродушной улыбкой. Вот уже три года она и днем, и ночью на связи, и преданней ассистента у Джеймса никогда не было.

Девушка смущенно улыбалась. В ее руках он заметил коробку пирожных с кремом, вопросительно поднял одну бровь и выдавил из себя подобие улыбки.

– Что-то случилось? – скрывая раздражение, спросил он.

– Вовсе нет. Это вам, – ответила Эмили, протягивая коробку. – Точнее, не совсем вам, – Джеймс видел, как девушка краснеет, теряя смелость, с которой стучала в дверь. – Я же знаю, сегодня у вашей жены день рождения. Поздравьте ее от меня и передавайте привет.

Он натянул улыбку еще сильнее, поблагодарил Эмили за внимание, взял коробку, прикрыл дверь и в порыве разгоравшегося отчаяния (не на девушку, конечно), как настоящий питчер, со всей силы бросил коробку в стену, силясь закричать, но сдерживаясь. От удара все пирожные разлетелись, пачкая стены и пол розовым кремом.

Боже, почему розовый? Откуда она знает? Это же любимый цвет Мэри...

Рывком открывая нижний ящик стола, Джеймс достал бутылку, наполнил кружку доверху и залпом выпил. «Никто ничего не знает». Опустив кружку на стол, он закрыл глаза и взъерошил волосы. «И не нужно». Сердце бешено стучало в груди. Упав в кресло, он откинулся на спинку. И казалось, что больше не слышно ни писка монитора, ни свиста кондиционера, ничего вокруг. Только звенящая тишина. Джеймс тряхнул головой.

За дверью послышались громкие голоса, сотрудники возвращались с обеда. Оглядев кабинет и то, что он с ним сделал, мужчина нехотя встал. Собрал мусор, протер стену и пол влажными салфетками и, лишь убедившись, что вернул кабинету пристойный вид, сел обратно.

Взяв снова в руки фото, Джеймс поцеловал изображенную на нем девушку:

– С днем рождения, милая. Я так люблю тебя...

Глава 1. «Снежные объятия»

12 июня 2017

– Мэри, сядь в кресло и пристегнись! – когда Джеймс злился, внешне невозможно было это понять, лишь глаза его выдавали, наливаясь огнем. Вот как сейчас, например.

– О, Джеймс, ты такой трусишка! – смех девушки разлетелся по салону. – Хватит вести себя как заноза в заднице! – но все же она села в кресло и закрыла окно. – Доволен?

– Угу, – не глядя в ее сторону, ответил Джеймс. Он слишком был сосредоточен на дороге, чтобы отвлекаться на ее поведение.

Девушка от скуки стала разглядывать ногти, а услышав знакомую мелодию по радио, сделала музыку громче, но Джеймс тут же вернул все как было. Мэри надула губы и сложила руки на груди.

– Ты так и не сказал, куда мы едем, – с заметным недовольством начала она.

– Сюрприз! – улыбнувшись, он положил руку ей на колено и слегка сжал. – Осталось недолго. Потерпи, – и лишь сильнее вдавил педаль в пол.

Это было их лето. Они только поженились, были молоды, беззаботны и влюблены. Их ничего не останавливало, и никто не ограничивал. Только вчера утром (хотя казалось, что прошла вечность) на церемонии они поклялись искренне любить, заботиться и уважать друг друга. Вечером отметили это с самыми близкими людьми, а уже сегодня ехали навстречу приключениям. Правда, куда именно Джеймс – так и не сказал Мэри. Но она с замиранием сердца ждала развязки.

На улице стояло начало лета, но жары пока не наблюдалось. Именно такую погоду очень любил Джеймс. Комаров еще не было, припекало только в обед, а вечерами все еще было прохладно. Ветер очень хорошо освежал голову, а холодная голова – главный инструмент управленца. Джеймсу было двадцать семь лет, но он уже добился немалых высот и занимал хорошую должность в банке. Причем он к этому не стремился, все вышло как-то само собой. Он много работал, часто задерживался, поэтому был на хорошем счету у руководства, чего не скажешь о коллегах. Они злились, когда его хвалили, часто добавляли новой работы, но знали, что он справится и с ней. Он никогда не отказывался, не возмущался и ни на кого не обижался. Только работал – и делал это хорошо.

Чреду этой холостяцкой рутины служащего разбавила Мэри. Она работала медсестрой в центре, куда обратился Джеймс, проходя обследование перед очередной командировкой по требованию компании. Она увидела высокого кареглазого bruneta с небольшим шрамом над бровью еще до того, как он вошел в кабинет врача, где она временно помогала. Он очаровал ее сразу же, не осознавая, что делает. Но даже когда широкая улыбка освещала его лицо, его глаза все равно оставались грустными. И Мэри поняла, что пропала. Ей до безумия захотелось разгадать его, понять его и показать, что жизнь прекрасна, а для грусти нет причин. Тайком от врача она пролистала его карту и молилась, чтобы он не был женат. Женатый мужчина – увы, табу. И Бог услышал ее мольбы. В графе «семейное положение» стоял прочерк.

После приема Мэри проводила Джеймса в другой кабинет, разговарив по дороге. Они обменялись номерами телефонов, несколько раз сходили в кино, в ресторан, пару раз в театр, а потом Джеймс предложил Мэри переехать к нему – и вуаля. Они катят по скоростному шоссе, надев золотые кольца на безымянные пальцы. Разве не это ли счастье?

– Милая, глянь в телефоне, во сколько закат? – Джеймс, не отрываясь, следил за дорогой.

Мэри полезла в рюкзак и достала свой телефон, но, разблокировав, обнаружила, что сети нет. Поднесла телефон ближе к окну, подняла выше, потом левее, правее. Результата это не принесло.

– Не могу поймать сеть. Прости.

В этот момент в углу экрана появились палочки, название сети и заветный значок Е, который быстро сменился на 3G.

– О, вроде пошло. Видимо, мы приближаемся к населенному пункту. Сейчас вот, в 17:32. Осталось не так много, минут двадцать.

Джеймс сверился с навигатором и с облегчением выдохнул:

– Успеваем, до нужной точки пятнадцать минут.

В назначенное время машина остановилась на вершине горы, практически у самого обрыва. Мэри выскочила, не дожидаясь полной остановки, и застыла. Ее взору предстал потрясающий вид – темно-зеленый лес в низине, тянущийся за горизонт, прозрачная река, влившаяся меж деревьев, и предзакатное небо, еще светлое, будто замершее в попытке остановить увядающий день. Во всем этом было что-то первобытное, не тронутое человеческой рукой, сильное и мощное, сотворенное кем-то извне. Мэри вздрогнула, но вовсе не от прохлады. Джеймс заглушил мотор и присоединился к жене, спеша ее обнять. Солнце медленно закатывалось за горизонт, предоставляя свою власть ночи. Двое, прижавшись друг к другу, замороженно провозжали его. Они были ослеплены ярко-оранжевым светом, позже перешедшем сначала в розовый, а затем в бордо. И через несколько мгновений они погрузились во тьму. Звезды стали рассыпаться горстями по небу, а где-то неподалеку застрекотали сверчки.

– Джейми, это прекрасно. Я бы здесь жить осталась.

Мужчина хмыкнул соглашаясь.

– Мы ведь вернемся сюда? – с надеждой в голосе спросила Мэри.

– Да, родная, обязательно, – чмокнув ее в висок, Джеймс дал жене немного времени насладиться зрелищем, а после потянул обратно в машину. – Наше путешествие продолжается. Мы еще не добрались. Пора ехать.

Мэри, находясь под впечатлением, не произнесла ни слова до тех пор, пока они не заехали в небольшой поселок в предгорье с названием, которое ей ни о чем не говорило. Она хотела было спросить о нем Джеймса, но отвлеклась на вид из окна. Пустынные улицы, всего пара магазинов, домики в один этаж, все сплошь с палисадниками и небольшими кустарниками, и ни одной встречной машины на пути. Забравшись на сидение с ногами, Мэри сжалась, как пружина. Что-то пугало ее в этом месте.

Наконец они остановились. Их встречал небольшой семейный отель с символичным названием «Снежные объятия», находившийся почти в конце поселка. В нем было всего два этажа и небольшая терраса со столиками. Стены его были сложены из темного серого камня, как у средневекового замка, а крыша и терраса составлены из добротных старых бревен. Когда Джеймс увидел фотографии этого места, то не раздумывая забронировал номер именно здесь. Он обожал все старинное и с историей. А у этого места просто обязана быть какая-то история.

Первой в здание вошла Мэри, торопливо оглядываясь по сторонам, желая быстрее получить ключи и спрятаться в номере, одолеваемая тревогой. Заметив стойку администратора, она устремилась туда. Пожилая женщина, белоснежные волосы которой были заправлены в элегантный пучок, подняла глаза и приветливо улыбнулась, давая морщинам разбежаться по лицу. Но то были благородные морщины, морщины прожитой счастливой жизни и доброй старости, которые отнюдь ее не портили, а, наоборот, согревали и располагали к общению. На круглом лице ее выразительные глаза цвета неба живо забегали, выдавая темперамент. Она встала, поправив лежавший на плечах платок, и поприветствовала Мэри:

– Милая, добро пожаловать в «Снежные объятия». Меня зовут Эдме Уоллис. Вы впервые в наших краях?

Беспокойство на душе девушки осело, оставив капельку смятения. Пытаясь с ним справиться, она расправила плечи и непринужденно защебетала, не узнавая свой голос.

– Добрый вечер, спасибо! Да, мы с мужем впервые в жизни отправились в путешествие, – и, придвинувшись ближе, прошептала: – В свадебное путешествие.

Миссис Уоллис хлопнула в ладоши и расплылась в улыбке еще шире.

– О, это просто чудно! Спасибо, что выбрали именно наш отель! – она присела и включила компьютер. – Скажите, как вас зовут, я проверю вашу бронь.

– Меня зовут Мэри Скотт, – бодро ответила Мэри, поправляя волосы и глядя в зеркало позади стойки. Но вдруг вспомнив, что ошиблась, смущаясь, поспешно добавила: – точнее, Логан. Все никак не привыкну.

– О, не переживайте, совсем скоро вы и думать забудете о старой фамилии, – Мэри показало, что старушка ей подмигнула. Хотя, может, так оно и было. – Да, действительно, есть бронь на Джеймса Логана. Номер 203.

Девушка, проследив за рукой Миссис Уоллис, увидела справа лестницу.

– Это на втором этаже. Давайте, я вас провожу, – поднимаясь со стула, произнесла миссис Эдме.

– Спасибо, но я подожду мужа. – Мэри взглянула в окно. Джеймс уже вытащил все вещи из багажника и закрывал машину. – Он сейчас подойдет. Расскажите мне лучше, что у вас здесь есть интересного и куда можно съездить.

Миссис Уоллис, устроившись поудобнее за своим рабочим местом, с упоением принялась рассказывать.

– О, милая, в наших краях все интересно: леса, полные диких животных, реки с чистой водой и чудной рыбой, которую больше нигде не попробуете, горы с отвесными скалами. А воздух? Вы чувствуете, какой он свежий?

Мэри кивнула. Что-что, а воздух действительно резал легкие, привыкшие к смогу и выхлопным газам.

– И кстати, – продолжала старушка, – если вам с мужем захочется экстремального отдыха, например, спуск по горной реке на байдарке или подъем по отвесной скале, – глаза Мэри расширились от страха, но миссис Уоллис этого не замечала, – а может, просто тихой рыбалки, то мой муж Грегор держит небольшой магазин со снаряжением и инвентарем чуть выше по улице. Обязательно зайдите.

В это время входная дверь открылась, и внутрь вошел Джеймс, таща за собой два чемодана и огромную сумку.

– Спасибо, миссис Уоллис.

Мэри была так рада видеть мужа, и тому, что он спас ее от этого разговора, что сразу кинулась ему на шею. От неожиданности он выронил один чемодан из рук, и тот вместе с сумкой упали на пол, сотрясая стены и стекла своим грохотом. Мэри отпустила Джеймса, подняв брови и скривив губы, будто извиняясь, подошла обратно к стойке, взяла ключ и взглянула на миссис Уоллис, ставшей невольной свидетельницей этой сцены:

– Обязательно заглянем, – и, махнув в сторону растерянного Джеймса, бросила: – это мой муж – Джеймс.

– Добро пожаловать в «Снежные объятия», – вернувшись в свое обычное рабочее состояние, миссис Уоллис улыбалась. – Ваш номер готов. Второй этаж, 203 комната. Если будут вопросы, я всегда здесь.

– Добрый день! Благодарю, – ответил Джеймс, поднимая чемодан и сумку с пола.

Мэри ждала его у лестницы, переживая, что он тоже захочет узнать о возможных развлечениях в этих краях, и, не дай бог, ему что-то приглянется. Но на ее счастье, Джеймс не был расположен сейчас к беседе, таща невероятное количество вещей. Подходя к ней, он тяжело дышал, с опаской ожидая предстоящий подъем по лестнице. Хорошо еще, что здесь было всего два этажа. Мэри всем своим видом подгоняла мужа, но он все же обернулся, ощущая на себе чей-то взгляд. На него смотрели слишком живые и игривые глаза, ни на миг не сочетавшиеся

с возрастом миссис Уоллис. Уголки его губ непроизвольно взлетели вверх, оголяя ямочки на щеках. Да, хотелось бы так же сохранить ясность и живость ума до старости.

Молодожены поднялись на второй этаж. 203 номер оказался рядом с лестницей, долго искать не пришлось. Небольшая комната включала в себя громоздкий письменный стол с вычурной лампой, в основании которой из дерева был вырезан силуэт девушки, едва прикрытой вуалью, а вместо головы у нее темнел бордовый абажур; местами потертое кожаное кресло на витиеватых деревянных ножках; ничем не примечательный платяной шкаф и огромная двуспальная кровать с выцветшим балдахином желтоватого оттенка. В номере было душно, и от всего тянуло затхлостью, но Джеймс был в восторге. Мэри подошла к кровати и брезгливо откинула одеяло – постельное белье навскидку выглядело свежим. Усмехнувшись, она подошла к окну, раздвинула шторы и открыла ставни. Свежий воздух ворвался в комнату, колыхая не только тюль. Молодые люди одновременно ахнули. Им предстал вид, потрясавший воображение, – отвесные горы, поросшие травой, ущелья с петляющими тропами и бесконечный густой лес, явно продолжающийся за горизонтом. Джеймс скинул сумку на пол, прикрыл дверь и подошел к жене. Душа ее успокоилась, и наконец они уставшие упали на кровать. Все вчерашнее действие, казалось, было так далеко и воспринималось как кино, стирая грани общей картины. Гости, белое платье, кольца, подписи... Все словно в тумане, в другом мире и не с ними. Но сейчас, приподнявшись на локте и разглядывая жену, Джеймса постепенно накрывало осознание, что Мэри – только его, только для него и только с ним.

Ей было двадцать два года, она недавно закончила медицинский колледж и по счастливой случайности устроилась медсестрой в клинику, где и повстречала будущего мужа. Она была невысокого роста, с точеной фигурой, можно даже сказать, худощавой, но при этом складной; со светлыми волосами оттенка ржи, голубыми глазами, обрамленными копной длинных ресниц, острым носом, залезающим везде, куда не стоит, и не слишком полными губами. А весной на ее лице рассыпались, словно звезды, веснушки. Пройти мимо такой красоты было бы преступлением. И хотя вниманием мужчин она была явно не обделена, как ни странно, она держала всех на расстоянии. Джеймс убеждал себя, что она ждала и хранила себя только для него. И это безумно льстило. Какому мужчине не захочется быть первым?

– Устала? – пальцы Джеймса переплелись с пальцами Мэри.

– Да, – выдохнула она, – дорога была долгая. Скажи, – когда она задумывалась о чем-то вечном, то закусывала нижнюю губу, – а ты думал о том, что нас ждет впереди?

Джеймс опустил ее руку, но его пальцы продолжали свое путешествие по телу жены, и в местах почти невесомых прикосновений кожа покрывалась мурашками. Но девушка не обращала на них внимания, была слишком сосредоточена на мысли, которую хотела донести.

– Ты же видел внизу миссис Уоллис? – она повернулась к мужу. – Только представь: когда-то и я буду такой же старушкой.

Джеймс убрал с ее лица прядь волос, так непрошено влезавшую в их разговор.

– И? Думаешь, я буду любить тебя меньше?

Мэри рассмеялась в ответ и откинулась на спину:

– Я вообще не представляю себя в этом возрасте.

Джеймс негодовал, почему именно сейчас ее мучают такие вопросы?

– Так, хватит! – он навис над ней. – Ты будешь просто шикарной и самой прелестной бабушкой на свете. А сейчас – у нас медовый месяц. Ты не забыла?

Мэри широко раскрыла глаза, наигранно удивляясь.

– Мы только поженились, – напомнил ей Джеймс, – я люблю тебя и надеюсь, что ты меня! И все у нас будет!

Он наклонился ниже и, прильнув к ее губам, утонул в их мягкости и податливости. Она же выгнулась и, не сумев подавить стон, обвила его шею руками. Страсть, дремавшая в этих

двоих, вырывалась наружу. Как же долго они этого ждали. Но вдруг Джеймс отстранился, криво усмехнувшись:

– Тихо, тихо. Не торопись. Хочешь, мы начнем с массажа?

Мэри раздосадовано фыркнула. Но он был прав. Долгая дорога, затекшая спина и плечи... И на удивление слишком мягкая кровать, манившая и обещавшая стереть усталость. Девушка закрыла глаза.

– Давай помогу раздеться, – предложил Джеймс.

Она привстала, чтобы мужу было удобнее расстегнуть ее платье, и потом без сил рухнула на кровать. Джеймс стянул с нее чулки и аккуратно развесил рядом на кресле. Мэри перевернулась на живот и, закрыв глаза и положив руки под голову, заметалась меж реальностью и сном. Джеймс долго рылся в дорожной сумке жены, слишком громко выбрасывая ненужные флаконы на пол, торопясь, но единственное, что нашел, ее крем для тела и, за неимением ничего кроме, достал его, разделся сам, затем «оседлал» жену, придавив ее своим весом, отчего она ахнула и поерзала, принимая более удобную позу. Он выдавил крем Мэри на спину, вернув жену в реальность ледяным прикосновением, но лишь на миг. Медленными поглаживающими движениями Джеймс растер крем по всей спине и несильно надавил на поясницу, поднимаясь все выше. Она тихо постанывала, боль расплзлась и исчезла, а сон накатил так быстро, что Джеймс не успел досчитать даже до десяти.

Мэри посапывала во сне, когда он слез с нее, доделав до конца массаж. Он никогда не бросал начатое. Верил, что только хорошо выполненная работа приносит удовлетворение. Он встал, вымыл руки в ванной, приглушил свет и нырнул к жене под одеяло, до сих пор не веря в свое счастье. Рядом с ним лежала самая прекрасная и самая потрясающая девушка на всем белом свете.

Наутро их разбудил повторяющийся и монотонный писк телефона.

– Ты что, не выключил будильник? – Мэри спрятала голову под подушкой, но это мало помогло. – Блин! Как же так!

– Прости, я забыл! – извинился Джеймс, не успев уклониться от летевшей в него подушки, в попытке дотянуться до тумбочки. И прежде, чем ему это все же удалось, он пропустил еще пару подушек.

– Ну и сколько там? – открыв один глаз, Мэри готова была разрыдаться от досады.

– Э-э-э, около восьми, – смущенно ответил он.

– Класс! Спасибо тебе, любимый, – опустив ноги на прохладный пол, девушка встала. – Я в душ. Все равно больше не засну.

В ванной комнате над умывальником висело огромное зеркало, а вместо ванны стояла небольшая душевая кабина, несуразно смотревшаяся в этой обстановке замерших 50-х годов. Она была словно из другой эпохи, из будущего, которое еще не наступило. Но ее наличие, конечно, обрадовало Мэри. Она до последнего боялась, что в этом отеле мыться пришлось бы в бочке на улице.

Мэри открутила синий вентиль, набрала полные ладони ледяной воды и брызнула ею в лицо, обжигаясь холодом. Из зеркала на нее смотрела маленькая девочка, которая очень-очень хочет стать большой и честно старается, но то ли учитель не видит ее вытянутую руку, то ли она сама прячет ее за спиной впереди сидящей девочки.

– Ну ничего, я тебе отомщу, – крикнула она Джеймсу, набрав полные ладони ледяной воды, толкнула дверь ногой и брызнула в мужа. От неожиданности он слетел с кровати и упал на пол.

– Ах так! Это война! Да придёт со мной сила! Где мой джедайский меч? – Джеймс схватил Мэри на пояс и повалил на кровать. Она хохотала и отбивалась, пыталась скинуть его с себя, Джеймс даже присвистнул, удивляясь, какая же буйная кобыла ему досталась. А

потом он оказался сверху, и Мэри сразу же податливо обмякла. Покрасневшая и запыхавшаяся, она все равно излучала покой, что он уже и не надеялся найти. Он склонился над ней, вглядываясь в бездонное небо ее глаз, и вдруг осознал, что пропал еще тогда, в клинике. И ни за что на свете не потеряет ее. Странно, почему эта мысль закружилась в такой момент? Джеймс нахмурился. Мэри же не сводила с него своих серьезных глаз, распахнув веер ресниц, и словно читала мысли. А потом расплылась в улыбке:

– Попался! – и резко прижала ладони к его голой спине.

– А-а-а, – он откинул голову назад и закрыл глаза, ежась от ее ледяных прикосновений, но зная, что она в итоге доиграется. И когда он вновь посмотрел на нее, огонь в его глазах только разгорался. – Ты думаешь, что остановишь меня этим? Аккуратнее, женщина.

– Я тебя не боюсь, – ее слова утонули в мягкости и теплоте его губ.

Глаза их были закрыты, эмоции обострены, и через кончики пальцев заряды энергии путешествовали от него к ней и обратно. Джеймс провел рукой по ее бедру, задирая сорочку, а губами прокладывая дорожку к ямочке на шее. Из груди Мэри вырвался стон:

– Ты ведь меня не обидишь?

Промычав что-то невнятное, Джеймс задрал ее злосчастную сорочку еще выше. Задержав дыхание, Мэри зажмурилась. Впервые ведь всегда должно быть страшно? И не только из-за боли? Она закусил губу, чтобы все не испортить, когда почувствовала напряженное естество ее мужчины. Нет, она хотела, чтобы это произошло. Правда. Но вдруг она еще не готова? Джеймс остановился, почувствовал, что что-то не так. И одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что творится в ее душе. Он остановился и перелег рядом.

– Не переживай, все хорошо, – притянув жену к себе, он заключил ее в объятия. – Мы просто положим вместе.

Мэри прижалась к нему, как к спасательному кругу, гадая, почему не может дать Джеймсу большего. Пока не может. Муж гладил ее по волосам и что-то рассказывал на ухо, она даже не вслушивалась. Его голос действовал на нее успокаивающе, но не спокойствия она сейчас жаждала. Целиком принадлежать мужу и обладать целиком им. Мэри подняла глаза на Джеймса, привстала, стянула с себя сорочку через голову и прильнула к мужу.

– Ты меня удивляешь, – единственное, что успел он сказать.

Через некоторое время они лежали на кровати в куче помятых простыней. Но такие близкие, ставшие единым целым. Мэри улыбалась, благодаря бога за мужа. Наверно со стороны это смотрелось глупо. Да, сначала было немного больно. Но Джейми сделал все так нежно, что боль просто растворилась. Или Мэри растворилась в Джейми. Смешно. Она выросла в христианской семье, свято соблюдавшей церковные каноны, и, значит, любое прелюбодеяние до брака, автоматически навлекало на семью позор, а девушка считалась блудницей. И это несмотря на то, что на дворе давно уже двадцать первый век. Но не только поэтому Мэри так долго себя хранила. Еще в детстве мама вложила ей мысль, что подарить себя можно только любимому человеку, а размениваться на влюбленности не стоит. И только встретив Джеймса, Мэри поняла, что готова.

Хотя в ее жизни было полно влюбленностей. Первым был учитель музыки в школе с его невообразимым баритоном, от которого она постоянно краснела. И вроде говорил он только по делу и никак не выделял ее среди одноклассников, но все же сейчас иногда в памяти всплывают моменты, заставляющие улыбаться. Например, как он слушал «Зиму» из цикла «Времена года» Вивальди или «Реквием» Моцарта, свои любимые произведения, как закрывал глаза и дирижировал невидимому оркестру. Или как постукивал указкой в такт, разбивая сердца неискушенных вниманием девочек. Благодаря ему, кстати, Мэри неплохо разбиралась в классике.

Потом был учитель анатомии в колледже. Когда он рассказывал о строении сердца, количестве клапанов и предсердий, сердцебиение Мэри разгонялось до 140 ударов в минуту и не планировало останавливаться. Или при прохождении темы «Мышцы туловища» она не могла отделаться от мысли, есть ли кубики на его прессе? И опять краснела, не в силах объяснить учителю причину своего смущения. Но именно поэтому на его курсе она была самой лучшей, участвовала во всех семинарах, практических работах и докладах. И закончила колледж только с отличными оценками. Так что и эта влюбленность принесла ей одни плюсы.

Еще был доктор на практике, но он был женат, и бедная девушка могла только мечтать о его взгляде, не позволяя себе ничего лишнего и не теша себя надеждой.

Со стороны же молодых людей она получала столько внимания, что иногда ей хотелось спрятаться, как улитке в раковину. Но никто из них ее не интересовал. Вся та бравада, дерзость, нахальство и потребительское отношение в девушке были ей чужды. Она верила в чистую любовь, не ограниченную телом.

Джейми был другой. Этот печальный молодой человек с потухшими глазами не только спонтанно ворвался в ее будни, но и сумел разглядеть ее. Понять. И ждать столько, сколько потребовалось. Рядом с ним ей не нужно было притворяться или врать. Глядя ей в глаза, он смотрел прямо в душу. И даже сейчас, лежа абсолютно голой, она чувствовала себя в полной безопасности.

– Мэри, я люблю тебя! – Джеймс рисовал на ее животе только ему понятные узоры, медленно опуская руку ниже, словно расширяя границы, ожидая, когда она скажет стоп. Мэри с шумом выдохнула и попыталась натянуть на себя простынь, но он не дал. – Ты прекрасна! Не прячься.

Не в силах отпустить тревогу и принять свои новые ощущения, она прижималась к мужу, и если бы он дал, то и свернулась бы калачиком.

– Ну что? Я ведь изменилась? – вдруг спросила она. Как будто эти изменения должны отражаться на лице. – Ну то есть я стала женщиной?

Джеймс прижался губами к ее лбу, улыбаясь.

– Ты – моя женщина.

– О, Джейми, – она уткнулась ему в грудь, чтобы непрошенная слеза осталась незамеченной. Это ли не есть счастье? За той слезой последовала еще одна, и Мэри, отвернувшись, встала с постели и не своим голосом объявила: – Мне нужно в душ! – скорее попытаюсь спрятаться.

Эмоции, захлестывающие ее, не были похожи ни на что до этого ей известное, представляя собой жгучую смесь. Любовь, счастье, благодарность, страх неизведанного, грусть от наивного ожидания и радость от преодоления чего-то большего, что она могла постичь. Все смешалось, переплелось.

Зайдя в ванную, Мэри вновь остановилась возле зеркала. На нее смотрела ее растрепанная копия с опухшими губами и горящими глазами. Изменилась ли она внутренне? Или только внешне? Стала ли взрослее? Умнее? Мудрее? С тревогой она вглядывалась в свое отражение, рассчитывая увидеть хоть что-нибудь. Какой-нибудь знак, сигнал. Почувствовать тело.

Ничего.

Рассмеявшись над своими глупыми мыслями, она брызнула водой на зеркало и залезла под душ.

Джеймс тем временем снял мятые испачканные простыни и заправил постель. Взглянул на часы. «Кажется, мы почти проспали завтрак!» – ухмыльнулся он. Быстро оделся, и пока любимая приводила себя в порядок, спустился, чтобы заказать еды.

Миссис Эдме сидела на своем рабочем месте и читала утреннюю газету. По утрам в отеле было тихо, большинство постояльцев разбредались кто куда. Кто-то уезжал на велосипедах наслаждаться природой, кто-то просто гулял по окрестностям, а кто-то искал приключений

в лавке ее мужа. Поэтому она могла позволить себе попить чая в одиночестве и отвлечься. Увидев Джеймса, она привсталала:

– Доброе утро, Джеймс! Как прошла ваша ночь? – искорки в ее глазах выдавали этот невинный вопрос за нечто большее.

Джеймс улыбнулся в ответ:

– Доброе утро! Благодарю, выспались чудесно!

– Правда? – удивилась она. – В вашем возрасте Грегор мне вообще не давал прохода! А ведь ваша Мэри – такая милая девушка.

Джеймс смутился:

– Да, спасибо! – и, почесав затылок, несколько мгновений вспоминал, зачем вообще пришел. – Кажется, я хотел заказать завтрак.

– Да, прошу прощения! – встрепенулась миссис Эдме, выходя из-за стойки. – Где бы вы хотели поесть? В номере? Или может на террасе? Сегодня потрясающая погода.

Джеймс посмотрел в окно. Действительно, на небе не было ни облачка, и яркое солнце слепило глаза.

– Да, на террасе будет просто отлично, – сказал он и вышел на улицу.

Умиротворение на душе соответствовало погоде. Ни ветерка, ни облачка, зелень вокруг, горы, тишина и покой. Словно весь мир остановился.

Минут через десять спустилась Мэри, все так же свежа и юна. Она остановила раздумья Джеймса и заставила любоваться исходившим от нее сиянием. Заметив его пронизывающий взгляд, она опустила голову, разглядывая его ботинки, и подошла.

– Прошу, не говори только, что у меня все написано на лице. Ты меня смущаешь! – сказала она, краснея.

– Прости... – опомнился Джеймс. – Прости, я даже не подумал. Ты отлично выглядишь, впрочем, как и всегда. Присаживайся, – он отодвинул стул, помогая ей сесть. – Сегодня у нас на завтрак жареный бекон, яичница и кофе, – Джеймс перевел разговор, сглаживая неловкость.

Мэри принялась за еду с такой жадностью, словно не ела пару дней. Джеймс улыбался. Все в этой девушке в нем вызывало теплоту. Доев последний кусочек яичницы, Мэри вытерла губы салфеткой и спросила, первой нарушив молчание:

– Какие у нас планы на сегодня?

Джеймс повернул голову вправо и махнул рукой миссис Эдме, делавшей вид, что убирает соседний столик. Хотя там и так было чисто.

– Миссис Уоллис советовала навестить ее мужа в магазине выше по улице. Хотя, если хочешь, можем просто погулять по лесу.

– Да, давай просто погуляем, в магазин мы еще успеем. Мы ведь на неделю сюда приехали?

Джеймс отодвинул тарелку и сложил руки на столе.

– Да, начальник так расщедрился, что дал мне целую неделю. Роджеру в прошлом месяце он дал только три дня. Ну ничего, у меня скоро отпуск, – он провел пальцем по кисти любимой и уверенно добавил: – Мы обязательно съездим на Острова.

Мэри была бы не Мэри, если бы не вскрикнула от восторга. Миссис Эдме подошла поближе.

– Ох, Острова! – мечтательно пропела девушка. – Мне нужен новый купальник.

Джеймс наклонился к жене и достаточно громко произнес:

– Ну будь моя воля, ты бы купалась вообще без него!

Мэри прыснула и отодвинулась:

– Джеймс! Мы не одни!

– Ох, как же мне нравится, когда ты смущаешься! – подмигивая, ответил ей Джеймс.

Глава 2. Прогулка

17 июня 2017

Дни проходили за днями, погода налаживалась. Почти каждый день Мэри и Джеймс гуляли по лесу, устраивали пикники на любимейшем склоне, исследовали новые тропы. Однажды они даже увидели семейство лис, перебежавших поле.

В субботу, за день до отъезда они решили спуститься ниже к реке. Это приключение должно было быть захватывающим, но оказалось опасным, потому что оступившись Мэри упала. Разодрала колготки и разбила коленки, и оставшуюся часть пути Джеймс нес любимую на руках (и это помимо корзины и пакета с пледом). Ему было нелегко, но он не жаловался. Знал, что позже его ждет благодарность. А Мэри умела быть благодарной. За эти дни она набралась храбрости и перестала стесняться себя и своих желаний. В ней проснулась женщина, женщина-исследователь, женщина-экспериментатор, но то была еще маленькая, неумелая и немного наивная женщина. Ее действия вызывали сначала умиление, которое почти сразу сменялось желанием, и с каждым днем Джеймсу было все сложнее держать себя в руках.

Вот и сейчас он вспотел отнюдь не из-за тяжести. Мэри это поняла. Маленькая чертовка знала, какую власть держит в своих руках. Ее грудь стала вздыматься тяжелее, веки опустились, а рука нежно поглаживала спину мужа.

– Мэри! – крикнул Джеймс, пытаюсь привести ее в чувство. – Мы только спускаемся, нам еще предстоит долгая дорога обратно.

Она усмехнулась и нахально подмигнула ему. Джеймс вспыхнул:

– Ты уверена, что стоит заводить меня сейчас?

Бросив на него игривый взгляд, Мэри уперлась в его сдвинутые брови.

– Мистер Логан, – сказала она, наматывая прядь волос на палец, – вы же не можете отказать в маленькой шалости своей жене?

Глядя на ее усердное соблазнение, он рассмеялся в ответ:

– Конечно же нет!

Мэри огляделась:

– Тогда давай не будем спускаться ниже, а остановимся здесь.

Аккуратно, словно хрупкую вазу, Джеймс поставил жену на землю. Расстелил плед, достал из корзины сэндвичи и вино, и откупорил бутылку. Наполнив один бокал, отдал его жене, потом наполнил свой. На них в тот же миг налетел неслабый ветер и скомкал их плед. Мэри поежилась.

– Ты не замерзла? – озабоченно произнес Джеймс, нагнувшись, чтобы помочь Мэри расправить убежавший плед.

– Нет, – выпрямилась она. – Но все равно жду, что ты меня согреешь.

Они присели. Джеймс поднял бокал и сделал медленный глоток, смакуя терпкий вкус. Он запустил руку в волосы, слегка взъерошив их. А Мэри, очаровывая его томным взглядом, отставила свой бокал подальше, рукой уложила мужа на плед, а сама села сверху.

– Мы ведь так еще не пробовали? – дрожа отнюдь не от холода, заметила Мэри.

У Джеймса кружилась голова, он нервно облизнул губы и слабо улыбнулся. Девушка наклонилась и страстно поцеловала мужа.

Спустя час они лежали обессиленные, опустошенные, с тяжелым сбившимся дыханием и учащенным пульсом, и жадно глотали воздух. Мэри прилегла на плечо мужа, и он свободной рукой поглаживал ее по бедру.

– Не будь занудой! Вдруг это наша единственная возможность побыть наедине с природой. Куда ты так торопишься?

Джеймс оглядел поляну и негромко запротестовал:

– Холодает.

Но она его словно не слышала:

– Ты когда-нибудь вообще задумывался о нашем предназначении?

Он закатил глаза. Как раз время и место для философии. Но молча дал ей продолжить.

– Нас на Земле живет больше семи миллиардов, все мы разные, со своим смыслом жизни, со своими целями и путями. Что-то нас сближает с другими людьми, что-то отталкивает. Кто-то помогает нам, когда мы этого совсем не ждем, а кто-то, на кого мы рассчитываем, предает нас. Почему мы вообще с тобой встретились? Можно ли это назвать судьбой?

Глядя в небо, Джеймс произнес задумчиво:

– Я верю в судьбу. И в Бога верю. Верю, что что-то по жизни нас ведет, и все предопределено.

Мэри фыркнула.

– Конечно, хорошая позиция, – воскликнула она. – Если в это не верить, то придется признать, что за наши ошибки отвечать должны только мы сами. А так ответственность с нас снята. Хорошая мысль, возьму на заметку.

Джеймс посмотрел на жену:

– А почему мы в такой момент говорим о судьбе?

Мэри жестом указала на все вокруг.

– Посмотри! Здесь я ощущаю себя маленькой травинкой, растущей на этом склоне.

Джеймс попробовал взглянуть на мир глазами жены.

– Как же здесь красиво! – она улыбалась. – Я бы осталась здесь жить!

Джеймс поцеловал ее в висок и прижал к груди.

– А как же работа? Учеба? Родные и близкие? – он явно не разделял ее рвение.

– Перед нами весь мир! – воодушевленно крикнула она, приподнявшись на локте. – Мы можем жить, где захотим и с кем захотим! У нас столько возможностей! Столько путей, – и, обернувшись на Джеймса, добавила: – Я так люблю жизнь и так люблю тебя!

– Мэри, и я тебя люблю! – Он натянул сильнее плед, подмял жену под себя и жадно поцеловал, задыхаясь от ее запаха и путаясь в волосах.

День близился к вечеру, и полетели комары. Джеймс и Мэри наспех собрались и ринулись в обратный путь. Подниматься в гору, как и следовало ожидать, оказалось физически тяжелее. Стремительно темнело. Стало сложно ориентироваться в пространстве. Джеймс включил фонарик, который догадался взять с собой. Но помогло это не сильно. Мэри достала мобильный телефон и убедилась, что сети, конечно же, нет. Но GPS работал. Хорошо еще, что она догадалась загрузить карты на телефон. Прикинув примерно, в каком направлении находится отель, они стали взбираться на гору. Сильно похолодало, Мэри быстро озябла, обхватив себя за плечи. Кто ж виноват, что она для прогулки выбрала тоненькую кофточку и юбку до колена. Джеймс снял с себя водолазку и поделился с ней, оставшись по пояс голым. Спуск с горы занял порядка двух часов, дорога же обратно, да еще в таких условиях, могла занять все четыре. Оказавшись в ночное время в незнакомой обстановке, легко впасть в панику. И Мэри уже была близка к ней, но Джеймс, несмотря на всю сложность ситуации, старался шутить. И, надо сказать, у него это неплохо получалось. Первые пару часов. К этому моменту на телефоне Мэри осталось всего 18 % заряда.

– Как ты мог забыть свой телефон? Сейчас сядет мой, и что делать дальше? Я вообще не понимаю, где мы! – ее голос срывался на крик.

Джеймс представить себе не мог, как ей было страшно. С момента приезда сюда ее не покидало чувство необоснованной тревоги, и теперь она ощущала ее липковато-кислый вкус во рту.

– Вокруг один лес, и каждый куст похож на другой! – сплюнув, с горечью добавила она.

– Ты только что говорила мне, что хочешь остаться здесь жить.

Мэри остановилась и резко развернулась, желая ударить мужа, в такой ситуации имеющего наглость шутить.

– Джеймс! Это не смешно! Если бы я тут жила, я бы все эти кусты знала.

Он подошел и обнял ее.

– Все будет хорошо, успокойся. Я с тобой!

Мэри уткнулась ему плечо, вдыхая знакомый запах его тела.

Еще через час они достигли вершины горы, с одной стороны которой и открывался тот чудесный вид, очаровавший их в самом начале пути. Света фонаря не хватало, чтобы осветить весь обрыв. Все тонуло во мраке. И сейчас сложно было назвать это место фантастическим. Но они хотя бы вышли к дороге, и это была небольшая победа.

Вдруг неподалеку в кустах послышался хруст... Джеймс обернулся, а Мэри вздрогнула.

– Скорее всего, это енот или куница, – спокойно сказал Джейми.

– Очень на это надеюсь. Ты знаешь, как их спугнуть? – голос Мэри дрожал.

Джеймс взял ее за руку и стал медленно переводить свет фонаря на то место, откуда исходил звук. Эти несколько секунд казались вечностью. Разум Мэри рисовал зловещую картину в виде медведя, готовящегося со страшным рыком к прыжку, но, когда кусты озарило светом, оба выдохнули. В десяти метрах от них стоял олень. Большой взрослый олень с раскидистыми, словно ветви дерева, рогами. Он немигающим взглядом смотрел на свет фонаря.

– Красивый, – выдохнула Мэри, но Джеймс не был настроен так оптимистично.

– Главное, не делай резких движений. Он не видит в нас угрозы и сейчас... – «уйдет», – хотел сказать Джейми, но договорить не успел. На фоне его слов заиграла известная попсовая песенка.

– Черт! – единственное, что смогла промолвить Мэри.

Глава 3. Единение

Позднее

В полной тишине мелодия разрезала воздух на сотню мелких осколков. Олень, широко раскрыв глаза, повернул голову в сторону молодых людей. Джейми слегка ударил жену по руке, и она выронила телефон на землю в паре метров от них. Животное проследило за звуком и вновь взглянуло на путников. Казалось, что оно обдумывает и рассчитывает риск. И принятое решение оказалось роковым.

Олень наклонил голову, пару раз ударил копытом о землю и начал движение в их сторону. Оценив обстановку, Джеймс толкнул Мэри вправо, а сам прыгнул за ней, стараясь накрыть ее своим телом. Но не рассчитал силы и перелетел дальше. Мэри взвизгнула и попятилась назад. Животное ускорило, тяжело дыша и наклоняя голову так, что рогами бороздило землю, но за метр до девушки резко остановилось. И Джейми поздно понял почему.

Его жена... Отступая назад... Испытывая первородный страх от ужаса... Совершенно позабыла, где находится... И в тот самый момент, когда олень остановился, под ее ногами больше не было опоры. Но разум препятствовал осознанию происходящего, и, поддавшись эмоциям, Мэри двигалась дальше. А позади был обрыв...

Джеймс вскрикнул от боли (больше моральной, чем физической) и бросил камнем в оленя, пытаясь спугнуть. Получилось. Тот бросился в лес наутек. А Джеймс, вскочив, подбежал к тому месту, где еще минуту назад находилась его жена.

Ее там не было!

– А-а-а! Мэри! Милая! – упав на четвереньки, он напряженно вслушивался. Забыл, как дышать, кулаком стирая капли пота, так не вовремя скатывающиеся по виску.

Но в ответ тишина... Режущая слух... Ни вскриков... Ни плача... Ни вздохов... Мертвецкая тишина... Джеймс светил фонарем в темноту, но ничего не мог разглядеть. Земля была слишком далеко. Что делать? Нужно спуститься, но как? Он снова и снова звал жену, молясь, чтобы она ответила, и силясь услышать хоть какой-нибудь звук. Хоть писк... Хоть дыхание... Но все было зря.

Понимая, что времени нет, и собрав в кулак эмоции, он поднялся.

Сориентировавшись в пространстве, рванул в сторону отеля. О боже, как же медленно он бежал, словно черепаха, хотя несся во весь опор. Только бы успеть! Только бы помогли! Пожалуйста!

Влетая в здание, он чуть не разбил стеклянную дверь. А на ресепшене, как назло, впервые за все это время никого не было. Он закричал:

– Миссис Эдме! Миссис Эдме! Где же вы? – из коридора к нему вышел седоволосый невысокий коренастый мужчина, с пышными усами и в фуражке, как у капитана дальнего плавания.

– Что-то случилось? Добрый вечер, я Грегор...

– Да, да, мне очень нужна помощь! – еле дыша, сорвался Джеймс.

– Спокойнее. Все хорошо, – успокаивающим жестом мистер Грегор пригласил Джеймса сесть, но тот был так взволнован, что только стучал ладонью по стойке, боясь отойти от нее.

– Господи, да! Да! Мистер, мне очень нужна помощь, – Джеймс запинался, постоянно тер лоб и закрывал глаза, пытаясь сосредоточиться. – Мэри... Моя Мэри... Она упала с обрыва, и я никак не могу ее найти, как мне спуститься вниз? – судорожно облизывая пересохшие губы, Джеймс замер в ожидании ответа совершенно незнакомого человека.

– Две минуты, – мгновенно вникнув в суть проблемы, ответил мистер Грегор. – Я за машиной. Ждите меня здесь! – и уже на ходу, пробегая мимо 104 номера, он крикнул миссис

Эдме, своей жене, что ей срочно нужно вернуться на ресепшн и заварить успокаивающий чай, от которого Джеймс в итоге тактично отказался.

Десять минут... Именно столько отсутствовал мистер Грегор... Джеймс готов был прыгнуть в огонь, что горел в камине... Почему так долго? Он уже сгрыз ноготь на большом пальце руки, как вдруг увидел свет фар за окном и бросился на улицу.

– Садитесь и покажите мне то место. И что все-таки произошло?

Из сбивающегося рассказа Джеймса (кажется, его звали именно так) мистер Грегор понял всю трагичность ситуации. Даже если Мэри все еще жива (а шанс такой был), зная эти склоны, мужчина боялся, что травмы будут слишком серьезными. Но говорить об этом расстроенному мужу сейчас не стоило. И он молча вел машину, следуя указаниям Джеймса.

Когда машина остановилась на склоне, молодой человек выпрыгнул и стал искать точное место, в темноте постоянно спотыкаясь и падая. Вскоре он нашел их корзинку, плед и чуть поодаль телефон.

– Сюда! Сюда!

Мистер Грегор сдал назад. Его пикап был переоборудован, и в багажнике имелись различные приспособления для экстремальных спусков, включая трос и прожектор. Его-то он и включил, направляя луч вниз, в обрыв. Гора, на вершине которой они находились, была хорошо известна мистеру Грегору. Она была не особо высокой, на ней постоянно встречались выступы и переходы, поэтому она пользовалась спросом у альпинистов-новичков. Мистер Грегор часто на ней бывал, помогал, инструктировал и давал в аренду снаряжение всем желающим. Но сегодня он боялся смотреть вниз. Боялся оказаться правым. В очередной раз.

– Вот. Посмотрите туда. Кажется, я что-то вижу, – Джеймс усиленно жестикулировал, чтобы мистер Грегор повернул лампу.

И действительно, внизу был виден силуэт в светлой кофте. Неподвижный силуэт. Лежащий в неестественной позе. Это было ужасно.

– Нужно спуститься вниз! Вы можете мне это сделать? – умоляюще просил Джеймс.

Его суета порядком раздражала мистера Грегора, который поинтересовался, разматывая трос:

– Ты когда-нибудь этим занимался?

Джеймс неуверенно покачал головой:

– Нет.

Мистер Грегор подошел к обрыву и нагнулся.

– Тогда не мешай делать мне мою работу, – прикинув глубину, мужчина вернулся к машине. – Я в прошлом спасатель. Отойди, пока я буду подготавливать спуск. А лучше – возьми телефон в бардачке и вызови полицию и скорую.

Джеймс на мгновение скрылся в кабине.

– Расскажи им все, как было. И скажи, что ты со мной. Я Грегор Уоллис. Меня там знают.

Пока Джеймс звонил, мистер Грегор, решив, что длины троса должно хватить, надел страховочную обвязку и каску на голову, подготовил снаряжение и пристегнул самостраховку. Когда все было готово, он дернул рычаг лебедки и начал тянуть трос. В этот момент к нему подбежал Джеймс:

– Я всех вызвал, что я еще могу сделать?

– Теперь мне нужно, чтобы ты не суетился. Посмотри на меня!

Блуждающий потерянный взгляд Джеймса никак не мог сфокусироваться на лице мистера Грегора.

– На меня посмотри! – рявкнул он, и наконец добившись желаемого, продолжил, объясняя свои дальнейшие действия. Он говорил медленно и с расстановкой. – Я спущусь вниз и посмотрю, как там дела, но подняться с Мэри я точно не смогу. Сейчас приедут спасательные

службы, и, если ты все верно объяснил, они пришлют вертолет. Я помогу поместить Мэри в люльку, и ее вытащат.

Джеймс периодически кивал, будто все понимал, но мистер Грегор отлично знал подобное поведение.

– В бардачке лежат рации, принеси мне одну, вторую возьми себе, ты должен быть на связи.

– Хорошо, – убегая, ответил Джеймс.

И хотя прожектор отлично освещал стену, а страховка была надежно закреплена, все же спуск в темное время суток – довольно неприятное занятие. Особенно если знаешь, что ждет тебя внизу. Но еще страшнее – если знаешь, что потом ждет тебя наверху. Засунув рацию в карман и путаясь в своих мыслях, мистер Грегор начал спуск.

Он занял меньше пяти минут. Выступ, на котором лежала Мэри, был вполне широким, и мужчине даже не пришлось прижиматься к скале. От Джеймса его отделяло метров десять, не больше. И мистер Грегор мог даже различить выражение его лица, хотя оно и было в тени прожектора. Серьезно и встревоженно, с болью и грустью тот всматривался вниз, пытаясь получить хоть какой-нибудь намек от мистера Грегора.

С тяжелым сердцем мужчина перевел взгляд на Мэри. Рот ее был открыт, и из него тоненькой струйкой вытекала кровь. Широко распахнутые глаза с ужасом глядели куда-то в темноту. Руки были закинута за голову, водолазка задралась, оголив живот. Одна нога лежала ровно, а другая была выгнута в неестественном положении и, вероятнее всего, была сломана. Мистер Грегор наклонился к девушке, пытаясь нащупать пульс на запястье, потом на шее. Его не было. Тогда он осветил ей карманным фонариком в глаза, чтобы проверить реакцию зрачков на свет. Зрачки не сокращались. Он достал рацию и, зажав кнопку, заговорил:

– Джеймс... Джеймс...

Послышалось шипение, а потом раздался голос Джеймса:

– Как она?

Мистер Грегор медлил. А потом на выдохе произнес:

– Прости... Мне очень жаль...

Предрассветную мглу рассек дикий рев человека, который в один момент утратил веру, утратил надежду, утратил любовь. Жизнь Мэри, еще не успевшей насладиться ей в полной мере, угасла, потащив за собой душу мужа.

Мистер Грегор вздохнул, когда медленная скупая слеза подкралась и к его уголку глаза. Так быть не должно. Молодые должны жить, встречать рассветы, провожать закаты, дурачиться, заводить новые знакомства, писать песни и петь их под луной, путешествовать, любить и быть любимыми. А не гибнуть, да еще таким образом.

По зову сердца и долгу службы он повидал немало смертей, ни одна из них не была естественной, и каждая ужасна по-своему. Но когда это становится твоей профессией, а ты все так же относишься к этому с болью, каждая потеря оставляет маленький шрам на сердце. Именно поэтому мистер Грегор и покинул службу. Слишком тяжело. И слишком больно.

Присев рядом, он провел рукой по волосам Мэри и закрыл ей глаза.

Глава 4. Спасение

Позднее

Наверху завывали сирены, приехали службы, которые вызвал Джеймс. Рация снова ожила: – Грегор, приветствую, это Френсис Морган. Объясни в двух словах, что там внизу.

Мужчина поднял голову наверх и увидел старую знакомую, инспектора полиции городка, что находился неподалеку. Темнокожая невысокая щуплая женщина, немного за сорок, была назначена местным инспектором года три назад. Говорят, что этому поспособствовал ее муж, главный врач больницы, ныне покойный.

– Френсис, доброй ночи, красавица, – Грегор махнул ей рукой. – Здесь девушка без признаков жизни. Наверху ее муж, все данные можешь уточнить у него.

– Хорошо, – инспектор вглядывалась в пустоту, – вызываю вертолет. Ты дождешься его там? Или поднимешься?

Мистеру Грегору не очень хотелось сидеть на склоне в полном одиночестве рядом с погибшей девушкой.

– Я сейчас поднимусь, – ответил он.

Послышалась какая-то суета, потом снова шипение, и умоляющий голос Джеймса ворвался в предрассветную тишину:

– Мистер Грегор, не бросайте ее, прошу вас! Побудьте с ней! Или дайте мне возможность побыть рядом, – просил он. Мистер Грегор закатил глаза к небу. Джеймс тем временем продолжал: – Можно я спущу ей одеяло? Там ведь холодно?!

Мужчина выдохнул. Да, иногда мы совершаем нелогичные поступки, лишь бы на душе стало легче. И если Джеймсу от этого действительно будет легче, то он просто не имеет права отказать.

– Хорошо, я побуду с ней. Не переживай. Спусти одеяло и иди, ответь на вопросы полиции.

Мистер Грегор присел на край скалы и свесил ноги в пропасть. На горизонте забрезжил рассвет. Взгляду открывался прекрасный вид на долину. Лучи солнца уже пробежали по ней. Они заглянули в каждый уголок, будь то лес или речка, осветили и согрели землю. Мужчина перевел взгляд на девушку. Она будто спала, укутанная в одеяло, и только бледность лица выдавала ее состояние. Она не видела этого рассвета, не увидит и следующий. Никогда не прижмет к груди своего ребенка. Не сходит на его первое собрание в школе. Не побывает на его свадьбе. Не отметит с Джеймсом двадцатую годовщину. Не застанет его за изменой. Ей не придется подавать на развод. И проводить остаток жизни в одиночестве. Мистер Грегор провел рукой по ее волосам.

– Прости нас, милая.

Издалека донесся шум приближающегося вертолета. Мужчина встал, прижался к скале и подвинул Мэри ближе. Поднялся ветер, и снова загудела рация:

– Грегор, прием!

Он достал ее из кармана и ответил:

– Я слушаю, прием.

Френсис кричала в динамик, иначе он бы ее не услышал:

– Вертолет на месте. Сейчас он зависнет над тобой, и к тебе на помощь спустится Эмили Шарис – спасатель и по совместительству врач. После спустят люльку.

Грегор кивнул:

– Принято.

Через несколько минут он был уже не один. Эмили еще раз проверила Мэри на признаки жизни, но также их не нашла. Крикнув что-то в рацию и махнув рукой другому спасателю,

оставшемуся в вертолете, она начала поправлять тело девушки, подготавливая его к транспортировке. С вертолета опускалась люлька. Ее раскачивало из стороны в сторону потоками ветра, которые создавали лопасти металлической махины, застывшей в воздухе. Поймать люльку с первого раза не получилось. Но Грегор не сдавался, и вскоре Эмили держала ее двумя руками. Мужчина медленно склонился над Мэри, приподнял ее и аккуратно, как ребенка, положил на люльку. Пока Эмили пристегивала девушку ремнями, он убрал волосы с ее лба и нежно погладил по голове. Ему вдруг захотелось поцеловать ее в лоб, но он сдерживался. В конце концов, он видел ее всего неделю, а знал несколько часов, и то она в это время была уже мертва. Но потоповски он просто не мог не сделать этого. У них с миссис Эдме ведь тоже была дочь, даже возрастом таким же, как Мэри. И тогда он все-таки прислонился губами к ее холодному лбу. Да простит Господь его за эту слабость.

После сигнала Эмили люлька стала подниматься, медленно вознося Мэри к небесам. И в этот момент буквально за секунду небо почернело и заплакало вместе с Джеймсом и всеми собравшимися крупными, тяжелыми каплями, пытаясь смыть боль, что накопилась в сердце. И мистеру Грегору тоже стало легче. Ведь наравне с ними плакал сам Господь.

Тем временем Мэри погрузили в вертолет, и Эмили уже готовилась к подъему. Мужчина поблагодарил ее за помощь, они обменялись сочувственными взглядами, она махнула коллеге, и ее стали поднимать. Оставшись один, промокнувший до нитки, Грегор проверил свою страховку, надел на ноги кошки и, сообщив по радию о своем намерении, начал карабкаться вверх. Стена была мокрая, а пальцы непослушными, так и норовили соскользнуть. Да и устал он – ночь не спал и всю происходящую ситуацию принял близко к сердцу. Поэтому этот подъем, такой небольшой, всего десять метров, стал самым тяжелым подъемом в его жизни. И когда до победного рывка осталось всего протянуть руку, он сорвался...

Перед глазами промелькнул страх, хотя сколько раз он рисковал своей жизнью, даже не задумываясь о последствиях. Не боясь и не переживая. Шел в огонь, когда балки этажей уже рушились. Вытаскивал детей, стариков и домашних питомцев. Снимал с отвесных скал невероятных альпинистов. Помогал потерявшим все не сделать последний шаг в пропасть. Обезоруживал нападавших. Помогал найти детей, пропавшим из-за невнимания родителей. И всегда верил в лучшее. А сегодня его сильная и твердая рука вдруг ослабела, и сама соскользнула с влажного выступа... Сегодня он не удержался...

Но когда мистер Грегор уже мысленно падал на выступ Мэри, его руку перехватила другая рука. Подняв глаза, он еле различил мутный силуэт. Но прежде, чем зрение восстановилось, он уже знал имя спасителя. Вверху стоял Джеймс.

– Держитесь крепче. Я помогу, – и дернув мистера Грегора посильнее, они вдвоем рухнули на мокрую траву.

Старик сел, пытаясь отдышаться, что получилось далеко не с первого раза. А рядом сидел как неприкаянный Джеймс Логан, только что потерявший жену, не знавший, куда деть глаза, осунувшийся и постаревший лет на пятнадцать за прошедшие пару-тройку часов.

Вертолет приземлился чуть поодаль, на поляне. Эмили с другими медиками, прибывшими на вызов, уже перенесли Мэри в карету скорой помощи. Мистер Грегор слегка толкнул Джеймса в сторону врачей:

– Иди, попрощайся с ней.

Джеймс потерянно обернулся.

– Я не могу, – он закрыл лицо руками. – Я боюсь. Это все неправда...

– Сынок, иди ко мне, – Грегор раскрыл объятия, чтобы Джеймс смог наконец дать волю эмоциям. И молодой человек разрыдался на плече, казалось бы, совершенно чужого человека, сделавшего за последние часы невозможное. Для него. Для Мэри. И чуточку для себя. – Пошли вместе. Я буду рядом.

Они подошли к машине, врачи разошлись, каждый сделал вид, что занят чем-то особенно важным. Хотя и так было понятно, что они тактично удалились. Джеймс на это не обратил внимания, но мистер Грегор мысленно поблагодарил всех.

Мужа пустили внутрь. Мэри лежала на кушетке, такая живая и такая маленькая. Сердце Джеймса расколосось надвое от боли и тоски. Он бросился ей в ноги и вновь не смог сдержать эмоций.

– Прости, прости, прости меня, милая, – уткнувшись в больничное одеяло, так некстати щекотавшее нос, он комкал его края руками, сжимая кулаки. – Прости, что не сберег, прости, что отпустил, прости, что сдался, прости, что не смогу выполнить все обещания, что тебе дал. Я люблю тебя! Я так тебя люблю! Я был с тобой счастлив! Я не могу тебя отпустить!

Грегор прикрыл дверь машины, оставив мужа наедине со своим горем, и подошел к инспектору.

– Френсис, приветствую еще раз. Как дела?

Она нахмурилась и потерла глаза.

– Да, здравствуй, Грегор. Я переговорила с мужем. Пока ничего конкретного сказать не могу. Свидетелей нет, они здесь находились вдвоем. Версия с оленем, конечно, возможна, но не единственная.

Тут уже нахмурился мистер Грегор:

– Ты думаешь, что он ее сам сбросил?

Френсис пожала плечами.

– Такая версия рассматривается.

Мистер Грегор резко выдохнул, развернувшись к ней всем телом.

– Френсис, послушай меня, старика, видевшего на свете немало зла, – у него клокотало в горле. – Это не тот случай.

Инспектор вслушивалась, скептически сложив руки на груди.

– Мальчик прибежал ко мне ночью, – продолжил он. – Видела бы ты его лицо. Он просился сам спуститься за девушкой. Еле его отговорил.

Френсис, опустив руки, перешла в нападение, но разве что не ткнула мистера Грегора пальцем в грудь, хоть они и были хорошо знакомы, субординация взяла свое.

– Хочешь расскажу статистику? Ты знаешь, сколько за год погибло женщин от рук мужей, заподозривших измену? А сколько мужчин потом приходили и рыдали в суде? Почти все, за редким исключением, – Френсис приблизилась на шаг, мистеру Грегору пришлось отступить. – Возможно, лично тебе этот молодой человек приглянулся. Но поверь, в нашей работе важны только факты. Я вызову тебя в участок как свидетеля, – она многозначительно подняла брови. – И постарайся вспомнить все, что поможет следствию.

Позади послышался грохот. Мистер Грегор и Френсис обернулись как раз в тот момент, когда Джеймс вывалился из машины и носом, не подставив руки, улетел в грязь. К нему тут же подбежал доктор, хлопая по щекам и приводя в чувство.

– Френсис, а что дальше? – возвращаясь к разговору, спросил мистер Грегор. – Что сейчас делать Джеймсу?

Она отступила, решив, что и так выиграла этот спор.

– Мы сейчас заберем тело девушки в морг, – взглянув на полуголового Джеймса, сидящего на земле, прислонившегося спиной к колесу машины, она прокашлялась, не веря в то, что дает слабину. – Забирай молодого человека с собой, под твою ответственность. Пусть немного отдохнет и придет в себя. Вечером за вами приедут патрульные. Дадите показания в участке, а дальше посмотри.

Мужчина с благодарностью пожал инспектору руку.

– Хорошо, до вечера.

Мистер Грегор подогнал пикап, врачи помогли загрузить туда Джеймса. Едва машина тронулась в обратный путь, безутешный муж уронил голову на колени. Дорога прошла в угнетающем молчании. Каждый проживал трагедию по-своему.

Глава 5. Принятие

18 июня 2017

На веранде их уже ждала миссис Эдме. Она нервно теребила платок, краешком которого вытирала глаза. Конечно, она уже была в курсе. О том, что произошло что-то плохое, догадалась сама, а когда устала ждать мужа, позвонила в службу спасения. Ей все объяснили.

Ни слова не говоря, она подошла к мужу и прижалась к груди. Он лишь сдержанно кивнул в ответ, похлопав ее по плечу. Джеймс открыл дверь и вышел из машины сам. Хотя ноги его и налились свинцом, а голова все время падала на грудь, до отеля он все-таки дошел. А войдя в гостиную, рухнул в кресло около камина, в котором все еще горел огонь. Вообще-то, огонь горел там всегда. Или нет? Интересно, кто отвечает за его разведение и поддержание? С учетом, что мистера Грегора не было всю ночь. Неужели миссис Эдме таскает тяжелые дрова? Или, может, кто-то из постояльцев их носит? Странно, что она не просила его ни разу. Хотя... Да какая в принципе разница? Джеймс чертовски устал и чувствовал себя разбитым.

Миссис Эдме суежилась вокруг, как заботливая мама, принесла бульон с булочкой и чай. Тот самый, что должен был его успокоить еще несколько часов назад. Но не успокоение сейчас ему было нужно. Он хотел прожить и прочувствовать все эмоции. Потому что заслужил, потому что виноват. Но миссис Эдме была такой милой. Ну не расстраивать же ее. Да и спорить совсем не было сил. Джеймс заглотил бульон, даже не почувствовав его вкуса. А следом чай. Одним глотком. И почему-то он напомнил вновь о Мэри. Джеймс чуть не разбил стакан, уронив его на пол, наклонил голову набок и прямо так, сидя в кресле, задремал.

– И что теперь будет? – миссис Эдме расплакалась на плече у мужа. – Ты же сам видел, какой они были парой.

– Видел, милая, видел. А видела бы ты, что было в горах, – мистер Грегор отпустил жену, поднял с пола стакан и покрутил в руках. – Он отчаянно просил Господа, чтобы его Мэри была жива. Даже сам хотел спуститься за ней.

Поставив стакан на стойку, мистер Грегор достал из-под нее плед, который они обычно давали постояльцам, и накрыл им Джеймса, бубнящему себе что-то неразборчивое под нос во сне.

– Вечером нас ждет инспектор для дачи показаний. Ей эта история не кажется такой прозрачной, – мистер Грегор взглянул на жену. – Она предполагает, что у них могла произойти ссора, и Джеймс мог сам толкнуть Мэри.

– Боже мой! – закрыв рот руками, миссис Эдме ахнула. И с вызовом добавила: – Да о чем она вообще думает? Нет, чтобы найти того, что угоняет скот у нашего соседа, так это слишком сложно для нее. А тут такое несчастье, и она пытается выжать из пальца то, чего нет. Я поеду с вами и тоже дам показания.

Прекращая щебетания жены, мужчина положил ей руку на плечо.

– Это было бы прекрасно, правда. А теперь, если ты не против, я бы вздремнул немного.

Усталость, как и возраст, давали о себе знать. У мистера Грегора заныло больное колено, да и рука, за которую его вытащил Джеймс, слегка саднила.

– Да-да, любимый, прости, – миссис Эдме пропустила мужа к лестнице. – Иди отдохни, я пока посижу здесь, рядом с Джеймсом. Вдруг ему что-то понадобится.

Неделя подходила к концу, у большинства постояльцев закончились отпуска, и все они выписались еще с утра. В отеле остался только один клиент. И он сейчас беспокойно спал в гостиной. Целый день миссис Эдме подходила к нему – то поправить плед, то потрогать голову,

не поднялась ли температура, то посмотреть, дышит ли он вообще. За все это время он даже позу не поменял. А выражение лица заставляло старушку расстраиваться еще больше.

Около семи вечера на парковку заехала полицейская машина. Оттуда вышли двое ребят и направились к главному входу. Миссис Эдме была на своем посту, за стойкой, и, увидев их в окно, нервно поправила платок, сглотнула и замерла в ожидании. Дверь открылась, и они вошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.